

Игра стоила свеч

с. 7

Спокойную обычно театральную жизнь августа на этот раз взорвало событие, никого не оставившее равнодушным. Казалось бы, первый в Петербурге международный балетный конкурс, который собрал столько мировых знаменитостей, познакомил с новыми исполнителями и интереснейшей хореографией, должен был вызвать только положительные эмоции. Но нет: атмосфера враждебности, резкого неприятия со стороны академических театров и прославленной школы витала вокруг и не могла не омрачить общей ситуации.

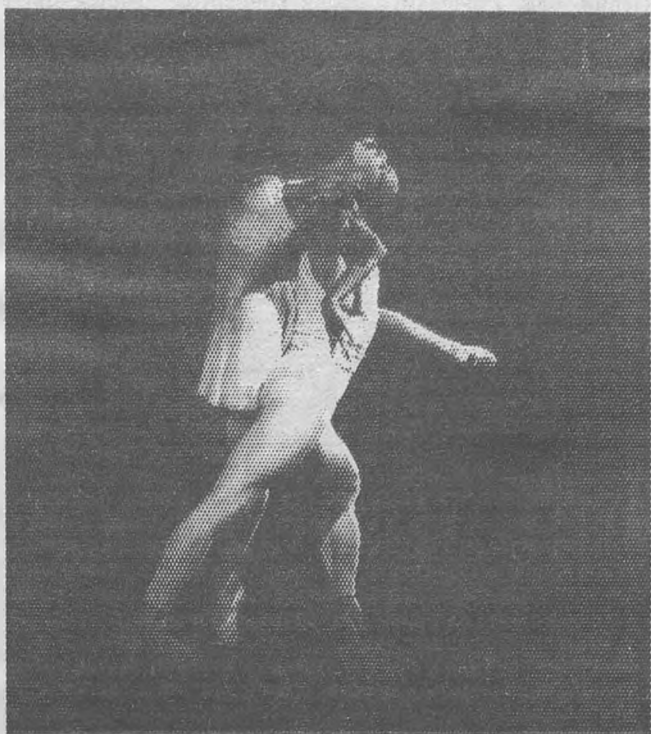
Конкурс порадовал тем, что не был похож на другие; конкурс-фестиваль в честь полувекового юбилея творчества великой балерины Майи Плисецкой. Конкурсная неделя (15 — 23 августа) была необычайно насыщена разного рода мероприятиями. Прошла презентация книги “Я, Майя Плисецкая”, представляющей собой не только автопортрет, но и обширную портретную галерею, написанную остро, бесстрашно.

Театральный музей подготовил элегантную выставку выполненных Пьером Карденом театральных костюмов, фотографий балерины. Там же состоялись творческие встречи с зарубежными балетмейстерами (членами жюри) — желанный подарок для специалистов и поклонников балета.

Любопытно было встретиться с Матсом Эком и Анной Лагуной — главной исполнительницей его балетов (к сожалению, с их творчеством мы знакомы только по видеозаписям). Эк оказался похожим на свои балеты — парадоксальным, удивляющим неожиданностью ответов на традиционно занудные вопросы. Интересным рассказчиком был Рикардо Куз — испанский хореограф, известный миру, в частности, постановкой “Медеи” в жанре фламенко. Об особенностях этого танца маэстро поведал много нового. Балетмейстера Джиджи Качулеану мы знаем по спектаклю “Безумная из Шайо”, поставленному им для Плисецкой. Родом из Бухареста, он имеет русских предков и давно уже работает во Франции, представляя танец “в ногу со временем”. С особой радостью публика ждала встречи с Джоном Ноймайером, и эти ожидания оправдались вполне. Он подтвердил репутацию на редкость гармоничного человека и творца, хореографа-философа, для которого сочинение балета — это создание нового мира под воздействием высших таинственных сил. На вопрос — почему он приехал на конкурс, маэстро ответил, что ему интересно все, что делается в балетном мире и на балетном рынке.

Теперь впечатления о самом конкурсе. Его подлинным открытием стал II-й тур, посвященный современной хореографии. Что касается программ классического репертуара, тут новаторства не обнаружилось, а возникли все те же неразрешимые проблемы: должен ли быть единый хореографический текст для всех, как в обязательных программах фигурного катания, или возможны разные толкования и каков их предел? Почему жюри все же отдает предпочтение “стальному носку” балерины, а не художественной индивидуальности, выдвигая на первый план спортивные критерии, но не художественные? Ведь и Анна Поликарпова (2 премия), и Эгле Шпокайте (3 премия), и даже Наталья Крылова, несправедливо вылетевшая с I-го тура, создали образы несравнимо объемнее, интереснее, чем золотой приззер Елена Филиппева, продемонстрировавшая лишь голую технику.

В целом мужской состав конкурсантов порадовал больше. Отличную выучку показали французы. 20-летний Бенжамен Пеш из Гранд Опера покорила точным, мужественным исполнением, артистизмом и получил все возможные призы: Гран-при “Майя”, золотую медаль, приз критики и приз за лучшее исполнение репертуара Плисецкой. А вот его соотечественнику — Бернару Курто де Бутейе, работающему в Сан-Франциско в труппе Хельги Томассона, воздушному и обаятельному виртуозу, всеобщему любимцу, не досталось никакого приза, что выглядело очень странным. По-видимому, жюри смутило его амплуа “конкурсной звезды”, так как он уже является обладателем пяти золотых

медалей на различных международных конкурсах.

Самым музыкальным танцовщиком, обладающим и силой, и страстью, показал себя Виктор Альварес из Берлина (3 премия, приз зрительских симпатий). Элегантно-виртуозным танцем блеснули Стефан Фаворэн из Гранд Опера (2 премия) и Борис Небила из Вены (приз фонда “Терпсихора”).

Интересно заявили о себе на I туре Филиппэ Диас (Сан-Франциско), Франческо Наппа (Монте-Карло), Герман Благовещенский (Москва) и другие, кто имел полное право пройти на II тур. Но этого не произошло. Огромный отсев после I тура (из 35 человек осталось 14) не показался обоснованным. Российские участники продемонстрировали хорошую классическую школу, конкурсную выдержку, но звезд, каких-то блестящих открытий среди них не было. Екатерине Ковмир, получившей путевку в школу Марты Грэм, предстоит еще много работать, чтобы танец стал искусством.

II тур оставил грандиозное впечатление. Ради него стоило затевать этот конкурс. По программе участники исполнили два современных номера, сочиненных до 1992 года. Вот где вполне раскрылась индивидуальность каждого исполнителя. Какое разнообразие интерпретаций “Кармен” “прозвучало”? Сколько глубоких, непохожих характеров, свежих пластических решений можно создать на одну тему, на одну и ту же музыку. Никто никого не повторил. Все образы, хотя далеко не равнозначные, сложились в мозаику целого спектакля со своим гениальным финалом: “Камера 333” (хореография Жана Найи) в исполнении Бернара де Бутейе — трагический итог истории, который открывал деформированное сознание героя в захватывающем потоке пластических откровений. Мы увидели сегодняшний уровень хореографического мышления в постановках Уильяма Форсайта, Пьера Дарда, Качулеану, Жослена Боссе, Коний Манюртю и др. Любопытно было познакомиться с работами отечественного авангардиста Евгения Панфилова, которые, при всей оригинальности, оставили ощущение странной несогласованности музыки и хореографии. Напротив, хореография Рея Барра на музыку Рахманинова в исполнении Альвареса поразила внутренней гармонией звука и движения. (Кстати, из всего многообразия постановок кафедра хореографии СПГК выделила самые, пожалуй, скучные и маловыразительные сочинения Юриуса Сморгинаса, впрочем, своего выпускника, — приз за оригинальность хореографической формы).

Как и ожидалось, наивысшую радость доставили сочинения Ноймайера. Три миниатюры на музыку Малера, Равеля, Бизе-Щедрина, исполненные, бесспорно, самой интересной парой конкурса — Анной Поликарповой и Иваном Лишкой (он в конкурсе не участвовал), выразили многосторонний мир отношений мужчины и женщины. Этот мир вместил такой кладезь оттенков духовной жизни, которого хватило бы на большой спектакль. Когда возникали эти дуэты, забывалось о конкурсе, о соревновании — то было настоящее искусство. Психологически-тонкий, интеллектуальный театр Ноймайера задал высокую планку конкурсу. Поэтому III тур несколько разочаровал традиционным выбором исполнителями своего репертуара: опять “Дон Кихот”, “Лебединое”, “Щелкунчик”, словно ничего другого Плисецкая не танцевала.

Разочаровала и церемония награждения победителей, отсутствие опыта сказалось на культуре ее проведения. Намного бы выиграл и заключительный концерт, если бы в нем преобладала современная хореография.

Творческая программа на этом не завершалась. Плисецкая виртуозно провела мастер-класс на сцене Александринского театра. На уроке были свои лидеры, в том числе Матс Эк, не раз срывавший аплодисменты в классических па. Прошла пресс-конференция с членами жюри и теоретическая конференция, пышно обставленная, но бесплодная. Да и к чему может привести разговор на абстрактную тему “Балет на пороге XXI века”? Кто про Фому, кто про Ерему. Самые общие размышления обо всем сразу не привели к диалогу. А когда в разговор включались зарубежные деятели, то это и вовсе напоминало спор слепого с глухим.

...Главное впечатление о конкурсе: игра все-таки стоила свеч. Если его организаторы учтут недостатки, если он не превратится в заурядный, то культурная жизнь города только выиграет.

Татьяна КУЗОВЛЕВА

На снимках: А. Поликарпова

и И. Лишка; Б. Курто де Бутейе.

Фото Натальи РАЗИНОЙ и Владимира ЗЕНЗИНОВА.

